

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ УСТОЙЧИВОГО СЛОВАРНОГО ФОНДА ДРЕВНЕУЙГУРСКИХ ПАМЯТНИКОВ И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF THE SUSTAINABLE VOCABULARY OF THE ANCIENT UIGUR MONUMENTS AND THE YAKUT LANGUAGE

I. Novgorodov

Summary. The Leipzig-Jakarta list is studied in order to explore the nature of the Old Uyghur and Yakut language relations. Basically, the Old Uyghur and Yakut have similarities and differences due to the divergence of the Prototurkic language, which led to the formation of different classification types. However, the influence of the Old Uigur language on the Yakut phonetics is revealed in the form of the second type umlaut, which originated before the 9th century A.D. in the Circumbaikal region and predetermined the formation of the dialect system of the Yakut language.

Keywords: the Leipzig-Jakarta list, Old Uyghur, Yakut, language, influence, the umlaut of the second type, dialect.

Новгородов Иннокентий Николаевич

Д.филол.н., профессор-исследователь, СВФУ

им. М. К. Аммосова (Якутск)

i.n.novgorodov@mail.ru

Аннотация. Изучается устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list) в целях выявления характера связей древнеуйгурского и якутского языков. В основном древнеуйгурские и якутские слова имеют сходства и различия, обусловленные дивергенцией пратюркского языка, которая привела к образованию различающихся классификационных типов. Вместе с тем обнаружено влияние древнеуйгурского языка на фонетику якутского в виде умлаута второго типа, происходившее до 9 века н.э. в Циркумбайкальском регионе и предопределившее образование диалектной системы якутского языка.

Ключевые слова: устойчивый словарный фонд, древнеуйгурский, якутский, язык, влияние, умлаут второго типа, диалект.

Введение

Актуальность обращения к данной теме предопределена существующими различными взглядами на происхождение и эволюцию якутского языка. В данной статье обсуждается один из них: положение И. В. Кормушина, который убеждён, что якутский язык образовался в результате тюркизации (И. Н. конвенции). Причём автор называет конкретные тюркские племена уйгуров (Тогуз-Огузов), тюркизовавшие якутский язык. Лингвист поддерживает практически общепринятое положение об отождествлении протоякутов с курыканами [12, с. 602].

Прежде чем начать исследование необходимо кратко сообщить о древних уйгурах, современных якутах и их языках.

О народах имеется обширная научная литература [3; 22].

Уйгуры являются одним из древнейших тюркоязычных племенных союзов Центральной Азии. В истории известен Уйгурский каганат (Уйгуро-Орхонский каганат, племенной союз Тогуз-Огузов) — государственное образование VIII — IX веков н.э., пришедшее на смену Восточно-тюркскому каганату.

Якуты (самоназвание саха) — тюркский народ, проживающий на северо-востоке Азии. В мире проживает 500 000 якутов, главным образом на территории Республики Саха (Якутия), а также в Иркутской и Магаданской областях, Красноярском и Хабаровском краях Российской Федерации.

Древнеуйгурский язык имеет III периода [21, с. 55]:

1. До возникновения древнетюркской государственности на р. Орхон (Монголия) (по А. М. Щербаку до 582 года н.э. [14, с. 10]);
2. Образование Уйгурского каганата в VIII веке н.э., Монголия;
3. Переселение древних уйгуров в Восточный Туркестан середина IX века н.э.

Последний период связан с языком X–XIII веков в Восточном Туркестане [14]. Дальнейшее развитие древнеуйгурский язык получил в староузбекском языке [15, с. 229]. Древнеуйгурский язык является базисом для карлукско-уйгурской группы, в которую входят современные узбекский и уйгурский языки [14, сс. 9, 10].

Так как о происхождении якутского языка и его эволюции было высказано немало, и часто противоположных точек зрения, то на мой взгляд, эти вопросы следует рассмотреть обзорно.

П. А. Слепцов выделяет III периода изучения якутского языка, связанные с историей присоединения Якутии к России:

1. Конец XVII века-середина XIX века (1690-е-1851 гг.).
2. Середина XIX века-начало XX века (1851-1917 гг.).
3. XX век (1917-1991 гг.) [11, с. 18].

Данную периодизацию можно дополнить четвертым периодом, временем современного изучения якутского языка с 1991 г. по настоящее время. Этот период выделяется в связи с распадом СССР и возникновением, например, Российской Федерации.

Среди ученых первого периода выделяются: Э. И. Идэс, Н. К. Витсен, Ф. И. Странленберг, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, Я. И. Линденау и другие. Было осуществлено первичное описание якутов и их языка. Учеными было обосновано южное происхождение якутов.

Второй период изучения якутского языка связан с именами знаменитых учёных О. Н. Бётлингга, В. В. Радлова и Э. К. Пекарского. О. Н. Бётлингг создал первую научную грамматику тюркского языка «О языке якутов» и использовал русский алфавит с целью научной фонетической транскрипции тюркских звуков. Лингвист считал, что якуты первые отделились от пратюрков и тюркские языки следовало бы назвать турецко-якутскими. В. В. Радлов высказал гипотезу о тюркизированном происхождении якутов и их языка. С его точки зрения, якуты будучи народом неизвестного происхождения сначала перешли на монгольский язык, впоследствии были ассимилированы тюркскими племенами. Э. К. Пекарский издал фундаментальный «Словарь якутского языка», являющийся главным лексическим источником зарождающегося якутского литературного языка.

В третий период происходит дальнейшее изучение особенностей фонетики, морфологии, синтаксиса и лексического фонда якутского языка и его диалектной системы в целях развития Якутской Автономной Советской Социалистической Республики в 1922-1992 гг. Е. И. Убрятова выдвигает гипотезу о происхождении якутского языка в результате взаимодействия тюрков, монголов и эвенков в раннем средневековье. Причем язык тюрков был близким тюркским языкам Орхона (Монголия). Польский ориенталист С. Калужинский, на основе анализа монголизмов, установил, что монгольское влияние происходило после возвышения Чингизхана (1206 г.), когда якутский язык уже сложился со всеми его особенностями. Данное обстоятельство подорвало воззрение В. В. Радлова о нетюркском происхождении якутов и их языка. В тоже время стало ясным, что монгольский язык начал влиять на якутский не ранее XIII века, что подвергало сомнению взгляды Е. И. Убрятовой, которая считала, что якутский язык сформировался в ситуации

тюркско-монголо-эвенкийского многоязычия в период раннего средневековья. В. И. Рассадин считает, что предками якутов были тюрки, которые переселились из Саяно-Алтая в Прибайкалье, а затем в Якутию.

В четвертый период создаются научные труды по якутскому языку как государственному языку Республики Саха (Якутия). В этот период начинается совместное с якутскими, немецкими и французскими учеными междисциплинарное исследование происхождения якутов и их языка одновременно методами лингвистики и генетики. Было доказано отсутствие языкового сдвига у эвенков и монголов и их переход на тюркский язык, в результате которого произошли современные якуты и их язык. В Российской алтаистике и тюркологии была предложена синхроническая классификация А. М. Щербака, согласно которой якутский языковой тип, наряду с чувашским, огузским, кыпчакским, карлукским, смешанным и урянхайским, был представлен в тюркском праязыке. Однако в это же время были продолжены исследования о тюркизации якутов, в частности И. В. Кормушина.

Переходя к теме статьи, следует отметить, что языки образуются в результате естественного ветвления общесемейного древа на каком то последующем после распада праязыка этапе (ветвления второго-третьего порядков). Однако известен и другой путь происхождения языков, вследствие ассимиляции и контактов.

В современной лингвистике первый процесс связан с дивергенцией праязыка, второй — конвергенцией двух и более языков.

Для проверки вывода И. В. Кормушина автор статьи обратился к устойчивому словарному фонду, поскольку при конвергенции данная категория слов не подвергается значительным трансформациям вследствие иноязычного влияния. Например, якутский и долганский языки имеют почти буквальное сходство в устойчивом словарном фонде, однако долганский язык возник не в результате дивергенции общего предка якутского и долганского языков, а в результате конвергенции якутского и эвенкийского языков после XVII века в Якутии [7, с. 133].

Обращение к изучению устойчивого словарного фонда древнейгузского и якутского языков в целях проверки тюркизации последнего формирует новизну работы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в настоящее время в якутологии выдвигается задача написания истории якутского народа и его языка. В этой связи представляется важным рассмотрение взаимоотношения древнейгузского и якутского языков.

Материалы и методы

Устойчивый словарный фонд — это инструмент, состоящий из списка 100 наиболее устойчивых к заимствованию слов, используемый в целях установления соотношения языков мира по такому признаку, как схожесть (resp. расхождение). Устойчивый словарный фонд был выделен лингвистами на основе изучения 41 языка мира в рамках проекта «Типология заимствования» (The Loanword Typology Project) [25].

Источником устойчивого словарного фонда древнеуйгурского языка явился знаменитый «Древнетюркский словарь» (Ленинград, 1969) [1].

Известны рунические памятники древнеуйгурского языка:

Шине-Усу (Моюн-чуру, 744–754 гг.), Монголия [21, сс. 55, 89; 14, с. 11] (МЧ);

Суджи, Монголия [21, сс. 55; 14, с. 11] (С);

Гадательная книга [21, с. 89].

Здесь и далее в скобках (МЧ, С, ThS II) даны сокращения памятников (сиглы) использованные в «Древнетюркском словаре» [1, сс. XXI–XXXVIII].

Рунические памятники древнеуйгурского языка представлены также на Терхинской стеле, воздвигнута в честь правителя Уйгурского каганата Эльетмиш Бильге-кагана (747–759 гг.) и Тэсинской стеле, памятник, который можно датировать началом времени правления Бёгюкагана, скорее всего 761–762 годами [4;5]. Памятники были первично описаны в сентябре 1969 г. и не были включены в «Древнетюркский словарь» [1], так как последний был подписан к печати 14 декабря 1968 г.

Кроме рунического письма древнеуйгурские памятники представлены в карлукском и уйгуро-огузском диалектах языка тюркских текстов X–XIII веков из Восточного Туркестана [14, сс. 26, 30]:

I. Памятники карлукского диалекта:

Кудадку билиг (QBN, QBK, QBN);

Хибад ал-хакаик, автором которого является Ахмед Югнаки (Юг) [14, с. 28];

Уйгурская версия истории принцев Кальянамкара и Папамкара (КР);

Легенда об Огузе (ЛОК);

Соответствующие разделы дивана Махмуда Кашкарского (МК);

Частично тексты, записанные Брахми-шрифтом:

Радлов. Uigurische Sprachdenkmäler. L. Глоссы, располагающиеся под строками 2, 19, 22 фрагмента № 59. XII–XIV вв. (USp);

Х. Стённер. Zentralasiatische Sanskrittexte in Brachmishrift aus Idikutšahri, chinesisches Turkistan (?); Gabain (TT VIII);

Сочинение Рабгузи (?) (Рабг., Рабг. Л, Рабг. Т в [13, с. 9].

II. Памятники уйгуро-огузского диалекта:

все памятники уйгурской и манихейской письменностей из Турфана, изданные:

В. В. Радловым:

Uigurische Sprachdenkmäler. L. XII–XIV вв. (USp);

Tištavustik; Suvarnaprabhasa. X в. (Suv);

С. Е. Маловым:

Два уйгурских документа. XIII в. (МБ);

А. Лекоком:

Turkische Manichica aus Chotcho I, II, III (Man I, Man II, Man III);

Ф. Мюллером:

Uigurica I, II, III, IV (Uig I, Uig II, Uig III, Uig IV);

В. Бангом:

Turkische Turfan Texte I–VII (TT I–VII)

Manichaische Hymnen (?) (MH [13, с. 11]) и другими.

Устойчивый словарный фонд по якутскому языку опубликован мной в 2016 г. [7].

В исследовании использованы сравнительный и ареальный методы [16, с. 14–19], опубликованные данные по тюркским языкам. Также в работе использовался количественный метод [6].

Методика анализа устойчивого словарного фонда была использована в установлении классификационного статуса чулымского языка [23].

Результаты

Перед презентацией исследования следует указать, что цифра 1 является порядковым номером пункта устойчивого словарного фонда; 'ant' — значением пункта на английском языке; 3. 817 — идентификационным номером списка из тематической базы данных «World loan word», которая доступна по адресу [<http://wold.cild.org/meaning>]; под AT 466, ThS II 56 представлен древнеуйгурский материал на странице «Древнетюркского словаря» и указан памятник (сигл); *qumursya* является формой тюркского слова; 'муравей' — значением слова на русском языке; < тюрк. [20, с. 140] — указанием на происхождение слова и информацией об источнике и его странице.

Подача материала устойчивого словарного фонда осуществляется согласно английского алфавита. Рамки статьи не позволяют рассмотреть все 100 пунктов, поэтому ниже даны примеры по устойчивому словарному фонду древнеуйгурских памятников:

1. 'ant' (3. 817) AT 466, ThS II 56 *qumursya* 'муравей' < тюрк. [20, с. 140]; AT 427, MK III 375 *qarınča* 'муравей', AT 427, MK I 501 *qarıncaq* 'муравей' < тюрк. [19, с. 323];
2. 'arm/hand' (4.31) 'рука', (4.33) 'кисть' AT 453, MK III 134, Uig III 35 30, Юг B222 *qol* 'рука'; AT 454, Suv 369 9 *qōl* 'рука' < тюрк. [20, с. 37]; AT 169, QBN230 5, Юг C 252 *el* 'рука, кисть руки' < тюрк. [8, с. 260];
3. 'ash' (1.84) AT 325, Rach I 151, MK I 337 *kül* 'зола' < тюрк. [19, с. 137];
4. 'back' (4.19) AT 53, MK I 139, Uig I 45 14 *arqa* 'спина' < тюрк. [8, с. 174];
5. 'big' (12.55) AT 610, MK II 95, ThS II 14 *uluγ* 'большой' < тюрк. [8, с. 593]; AT 91, Uig I 45 13, TT IV B7, MK 193 14 *bedük* 'большой' < тюрк. [9, с. 288] и т.д.

Устойчивый словарный фонд якутского языка был опубликован мной ранее [7]. В данное исследование можно внести коррективы и добавления:

- 20 'to do/to make' 9.11 як. *зын-, кын-* 'делать' восходит к глаголу **кын-* 'делать что-либо со страстью' < тюрк. [20, с. 217] и имеет татарскую параллель *кын-* 'делать' [20, с. 205];
- 78 'soil' 1.212 як. *буор* 'почва' < тюрк. [ЭСТЯ, 1978: 192]; здесь имеется синонимичное якутское слово *сир* 'почва' < тюрк. [18, с. 191].

Обсуждение

Проведенное исследование показало, что в «Древнетюркском словаре» [1] не зафиксированы значения пунктов 98 'древесина', 99 'вчера', однако основы слов имеются, примеры:

- 98 'древесина' (1.43) AT 218, Man I 7 3, TT X 417, TT I 134 *īyač* 'дерево'; AT 216, Man I 14 11, Suv 621 5 *ī* *īyač* 'растение', Suv 621 5 *īyač* 'дерево', AT 257, MK III 113 *jer* 'земля': *jer jīyačlandī* 'земля покрылась деревьями' < тюрк. [8, с. 71];
- 99 'вчера' (14.49) AT 291, ЛОК 2 9 *кеčä* 'ночь, поздний вечер', 'ночью; поздним вечером', AT 306 *kičä* 'ночь, поздний вечер', 'ночью; поздним вечером' < тюрк. [10, с. 40].

Можно утверждать, что значение 'древесина' было представлено в древнеуйгурских памятниках. Об этом пишет Э.И. Фазылов: у Махмуда Кашгарского в словоформах *йыџач, џџач* было представлено значение 'древесина' [13, сс. 533, 534]. Значение 'древесина' представлено также в языках потомках древнеуйгурского языка: уйгурском и узбекском, например, уйг. *йагач*, узб. *ёғоч*

'древесина'. Это обстоятельство позволяет реконструировать значение 'древесина' в древнеуйгурском языке в словах *īyač, jīyač*. Так как значение 'древесина' представлено в современных тюркских языках различных классификационных групп, то оно может быть реконструировано в пратюркском языке, ср. тур. (огузская группа) *ağaç* 'древесина', каз. (кыпчакская группа) *ағаш id.*, тув. (урянхайская группа) *ыяш id.*, чув. (чувакская группа) *йывăс id.* > **āyach id.*

С опорой на современные данные уйгурского (*кеча*) и узбекского (*кеча*) 'вчера' идиомов, а также данные кыпчакских языков, ср. каз. *кеше* 'вчера' по видимому, возможно реконструировать значение 'вчера' в словоформах *кеčä* и *kičä* древнеуйгурского языка.

Сравнение устойчивого словарного фонда древнеуйгурского языка с якутским показало сходства и различия.

Сходными являются подавляющее большинство слов, которые относятся к пратюркскому словарному фонду.

Различия обнаруживаются в четырёх пунктах 14, 38, 46, 98, где якутские и древнеуйгурские слова не имеют общего происхождения, например:

- 14 'to burn (intransitive)' (1.852) як. *убай-, умай-* 'гореть' <?; AT 312, MK III 47, 246, QVK 105 1 *kōj-* 'гореть' < тюрк. [19, с. 88];
- 38 'he, she, it' (2.931; 2.932; 2.933) як. *кيني* 'он, она, оно' <?; AT 366, MK II 273, Юг C 47 *ol* 'он, она, оно' < тюрк. [8, с. 444];
- 46 'in' (12.012) аффикс местного падежа: як. аффикс местного падежа -ка, -га и т.д., ср. тел. аффикс местного падежа -ка, -га и т.д. 'в' < тюрк. [17, сс. 35, 175]; AT -ta, -da и т.д. 'в' [21, с. 58] < тюрк. [17, сс. 39, 175];

98 'wood' (1.43) як. *мас* 'дерево', 'древесина'; это слово является трансформацией слова *бэс* 'сосна' (< **як. бэш, мэш* 'сосна' (< тюрк. *нэш 'сосна') > аз. *теša* 'лес, бор', тур. *теше* 'дуб' ((?) ст.-узб. *бийша* 'кустарник') > перс. *biše* 'лес, роща', ср. тув. *пөш* 'сосна', так как в якутском языке начальный *б* переходит в *м* не в случаях с последующим сонантом, например *буус* > *муус* 'лёд'; также в якутском обнаруживается переход мягкорядного гласного в твердорядный: ср. *өнчөх* 'обух' > *ончох*; кроме того произошло изменение значения слова: 'сосна' > 'дерево', подобное возможно в тюркских языках, когда видовое название растения переходит в общее название типа растений: кум., каз., тат., уйг. *дерек* 'тополь' > 'дерево' [10, с. 205]; AT 218, Man I 7 3, TT X 417, TT I 134 *īyač* 'дерево' < тюрк. [8, с. 71]; AT 216, Man I 14 11, Suv 621 5 *ī* *īyač* 'растение', Suv 621 5 *īyač* 'дерево', AT 257, MK III 113 *jer* 'земля': *jer jīyačlandī* 'земля покрылась деревьями'; ст.-узб. *йыџач*

'дерево', 'древесина' [13, сс. 533, 534]; уйг. *йағач* id.; узб. *ёғоч* id.; сал. *ауағ* id.

Указанные значительные различия не свидетельствуют в пользу конвергентного происхождения якутского идиома вследствие перехода праякутов на язык уйгурских племён токуз-огузов.

Например, устойчивый словарный фонд кыпчакских языков обнаруживает удивительную гомогенность [23].

Заметим, что устойчивый словарный фонд современных карлукских и кыпчакских идиом не отличается существенно; имеются и минимальные расхождения между современными карлукскими, кыпчакскими и огузскими языками [7, сс. 129, 130, 131]. Между тем, якутский устойчивый словарный фонд значительно отличается от современного кыпчакского на 5 пунктов, от современного карлукского на 18 пунктов, от современного огузского на 21 пункт [7, сс. 130, 131].

Примечательно, что якутский устойчивый словарный фонд отделяется от современных карлукских языков на 18 пунктов, в то время как от древнейгуурского различается на 4 пункта.

По-видимому, расхождение на 4 пункта не случайно. Вероятнее всего, в средние века носители якутского и древнейгуурского идиомов вступали в контакты.

На мой взгляд, контакты носителей идиомов якутов и древних уйгуров существовали. Об этом свидетельствует якутское оканье, возникшее к югу от современной Якутии, скорее всего в Циркумбайкальском регионе.

С.А. Иванов считает, что возникновение якутского идиома связано не со средней Леной, а в местах обитания тюркских и монгольских племен к югу от современной Якутии, в Циркумбайкальском регионе в средневековье. Причём в якутском уже тогда имелись акающие и окающие диалекты, которые конвергировали на территории современной Якутии, в результате чего возникло современное якутское оканье и аканье [2, с. 291]. Следует подчеркнуть, что согласно мнения ученого, якутское аканье является первичным по отношению к оканью. Идея о существовании якутского типа в средневековье, высказанная им является весьма плодотворной и существенной.

На мой взгляд, якутское оканье возникло в результате влияния языка карлукско-уйгурского типа, в котором также обнаруживается явление оканья. Данное явление в тюркологии известно как уйгурский умлаут второго типа: губной гласный непервого слога вызывает лабиализацию широкого нелабиализованного гласного первого слога: *комуч* 'камыш' (И.Н.— *комуш*) < *камуш* [16, сс.

64–65], ср. як. *хомус*, *хамыс* 'камыш', як. *хотун*, *хатын* 'женщина', ср. уйг. *хотун* 'жена, супруга' < АТ 436, Сув 621 1 *qatun* 'госпожа'.

Влияние древнейгуурского языка на якутский в этом явлении можно подкрепить ещё примерами:

- ♦ як. *мангыраа*- 'мычать, реветь (о рогатом скоте)', *мөнгүрээ*- 'мычать, реветь (о быке)' < *манра*- АТ 337, МК III 402 'кричать, орать', *манрат*- побуд. от *манра*- АТ 337, МК III 358, *мөңрät*- АТ 346, *түңрä*- АТ 353, МК III 403 'мычать, реветь', *түңрät*- побуд. от *түңрä*- АТ 353, МК III 358 < тюрк. [26, с. 327a];
- ♦ як. *хаарый*-, *хооруй*- 'наскоро зажарить, поджарить' < *qayur*- АТ 406, МК II 81, *qoqur*- АТ 452, МК II 81, *qavir*- АТ 437, Rach I 138, *qovur*- АТ 462, МК II 81 'жарить, калить' < тюрк. [19, с. 175];
- ♦ як. *уоһах* 'молозиво' < *oquz* АТ 365, ЛОК 1 9 'молозиво', ср. *ayuz* АТ 24, МК 39 17 'молозиво' < тюрк. [8, с. 405].
- ♦ Явление умлаута второго типа было широко распространено в самом древнейгуурском языке, например:
- ♦ *jamiz* АТ 231, МК III 10, ТТ VII 37 3 > *jomuz* АТ 272, ТТ VII 41 7 'пах' < тюрк. [18, с. 110]; ср. як. *сымыс*, *самах* 'пах';
- ♦ *qayut* АТ 406, МК I 406 > *qoqut* АТ 462, МК III 134 'еда из просяной муки с маслом и сахаром' < тюрк. [19, с. 177];
- ♦ *tetrüm terij* АТ 556, ТТ VI прим. 386 парн. 'глубокий' > *tötrüm* АТ 582, *tütrüm terij* АТ 601, ТТ V B18 парн. 'содержательный (?) и глубокий'; *terij* АТ 554, МК III 370 'глубокий' < тюрк. [10, с. 208] и т.д.

Явление аканья и оканья (умлаута) представлено в памятниках МК, ТТ V, ТТ VI, ТТ VII, Rach I, из которых ясную датировку имеет МК 1072–1074 гг. из Восточного Туркестана. Следовательно в XI веке явление умлаута было представлено в развитом виде в языках карлукско-уйгурского типа в Восточном Туркестане.

Известно, что переселение древних уйгуров из Монголии в Восточный Туркестан происходило в середине IX века н.э. после поражения от древних кыргызов в 840 г. Очевидно, что до середины IX века зоной контактов древних уйгуров и якутов мог быть Циркумбайкальский регион. Вероятнее всего в самом карлукско-уйгурском языке того времени происходили процессы умлаута второго типа, которые и повлияли как на возникновение оканья, так и на образование диалектной системы (ср. аканье) якутского языка. Следует отметить, что огубленные варианты слов обнаруживаются и в хакасском языке: *хоор*- 'поджаривать', ср. *qavir*- АТ 437, Rach I 138, *qovur*- АТ 462, МК II 81 'жарить'; *оос* 'молозиво', ср. *ayuz* АТ 24, МК 39 17 id.

В исследовании привлекаются и генетические данные по современным уйгурам, узбекам и якутам.

С точки зрения генетических примесей, также обнаруживаются значительные расхождения у современных якутов от уйгуров и узбеков, последние обнаруживают явную близость между собой [27] и отличаются от якутских [24].

Заключение

Исследование устойчивого словарного фонда древнеуйгурского и якутского языков показало, что сходства и различия возникли на базе дивергенции пратюркского языка, а не действия конвергенции. Причем древнеуйгурский и якутский языки относятся к разным классификационным группам: первый в карлукской, второй — якутской. Контакты носителей древнеуйгурского и якутского языков имели место, о чём свидетельствует обнаружение влияния древнеуйгурского языка на якутский, проявляющиеся в оканьи (умлауте второго типа). Языковое влияние древних уйгуров на предков совре-

менных якутов происходило до 9 века н.э. в Циркумбайкальском регионе и привело к образованию диалектной системы якутского языка.

Сокращения

аз.— азербайджанский язык
 каз.— казахский язык
 кум.— казахский язык
 перс.— песидский язык
 сал.— саларский язык
 ст.-уз.— староузбекский язык
 тат.— татарский язык
 тел.— телеутский язык
 тув.— тувинский язык
 тур.— турецкий язык
 тюрк.— тюркская языковая семья
 уз.— узбекский язык
 уйг.— уйгурский язык
 чув.— чувашский язык
 як.— якутский язык

ЛИТЕРАТУРА

1. Древнетюркский словарь. Редакторы В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Ленинград, Наука, 1969. — 676 с.
2. Иванов С. А. Образование диалектной системы якутского языка. Рукопись — Якутск, 2016. — 317 с.
3. Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII — IX вв. — Алматы, Наш мир, 2001. — 216 с.
4. Кляшторный С. Г. Терхинская надпись (Предварительная публикация). // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82–95.
5. Кляшторный С. Г. Тэсинская стела (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983, № 6. С. 76–90.
6. Левицкий В. В. Квантитативные методы в лингвистике. Винница: Новая книга, 2007. — 264 с.
7. Новгородов И. Н. Устойчивый словарный фонд тюркских языков. Якутск, типография «Смик», 2016. — 144 с.
8. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. — Москва: Наука, 1974. — 767 с.
9. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б», под редакцией Н. З. Гаджиевой. — Москва: Наука, 1978. — 349 с.
10. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «И», «Г», «Д», под редакцией Н. З. Гаджиевой. — Москва: Наука, 1980. — 395 с.
11. Слепцов П. А. Саха тылын историята: СФКФ устудьуоннарыгар рэнэр кинигэ. — Дьокуускай: Саха госуниверситетын издательствота, 2007 (на якутском языке). — 287 с.
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. Отв. Ред. Э. Р. Тенишев. — Москва, Наука, 2002. — 767 с. [Кормушин, 2002: 602] —
13. Фазылов Э. И. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Том I. — Ташкент, ФАН, 1966. — 649 с.
14. Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. — Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 204 с.
15. Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. — Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — 274 с.
16. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, под редакцией А. Н. Кононова. — Ленинград, Наука, 1970. — 204 с.
17. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). — Ленинград, Наука, 1977. — 192 стр.
18. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву « », «Ж», «Й», под редакцией Л. С. Левитской. — Москва: Наука, 1989. — 293 с.
19. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К», « ». — Москва: Языки русской культуры, 1997. — 368 с.
20. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». — Москва: Языки русской культуры, 2000. — 265 с.
21. Языки мира: Тюркские языки. — Москва, Индрик, 1997. — 544 с.

22. Якуты (Саха). — Москва, Наука, 2012. — 599 с.
23. Innokentiy N. Novgorodov, Nurmagomed E. Gadzhiakhmedov, Mussa B. Ketenchiev, Natalya V. Kropotova, and Valeriya M. Lemskaya. Chulym Turkic is a Uralian Kipchak language, according to the Leipzig–Jakarta list. In: Zhanna Anikina (ed.). Proceedings of the 2nd international conference Going Global through Social Sciences and Humanities, held in Tomsk, Russia, 27–28 February 2019. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol. 907, pp. 411–419. Springer Nature Switzerland AG (2019).
24. Irina Pugach; Rostislav Matveev; Viktor Spitsyn; Sergey Makarov; Innokentiy Novgorodov; Vladimir Osakovsky; Mark Stoneking; Brigitte Pakendorf. The complex admixture history and recent southern origins of Siberian populations Molecular Biology and Evolution 2016; doi: 10.1093/molbev/msw055.
25. Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Walter de Gruyter GmbH & Co. — Berlin. 2009. — 1081 p.
26. Räsänen, M. Versuch einen etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen, Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. — 533 S.
27. Yunusbayev et al. The Genetic Legacy of the Expansion of Turkic-Speaking Nomads across Eurasia. PLoS Genetics. Volume 11, Issue 4, 1 April 2015, 5/24p.

© Новгородов Иннокентий Николаевич (i.n.novgorodov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-восточный федеральный университет им М. К. Аммосова